

Это случилось поздней ночью.

На самом деле было лишь девять вечера, но в эти дни темнело рано.

В небольшой комнате, где едва ли представлялось возможным насчитать пятнадцать градусов тепла, стояла крошечная темень — слабый звездный свет не мог пробиться сквозь плотные бархатные шторы. Да, здесь было холодно и влажно, и стояла жуткая, напряженная атмосфера, но хозяйку комнаты это полностью устраивало. Ей было восемь, и звали ее Ньярла.

Слабая физически, она часто болела, но все же продолжала тянуться ко всему холодному и влажному. Она сидела перед своим будуаром (это был мамин подарок, заказанный у энлатарских ремесленников) и пыталась собрать волосы в прическу. К сожалению, слабые детские руки и отсутствие опыта сказывались на качестве — получалось из рук вон плохо. Так что, промучившись еще немного, она оставила все, как есть. В любом случае, её никто не увидит — отец в ратуше, а обитатели седьмого яруса не обратят на одинокого ребенка внимания.

Ньярла ходила в седьмой ярус потому, что любила море. Любила, несмотря на то, что ей запрещали к нему приближаться. Промозглый ветер, ледяная вода, запах соли и водорослей, и мерный стук волн о корабельные борта — все это вызывало в ней неописуемое чувство свободы и уюта. И поэтому, она так любила свой родной город — Ньярлатар стоял на огромном острове в нескольких километрах от морского побережья. Он был прекраснейшим местом. Многоярусное сооружение, карминовые стены и торчащий шпиль маяка в самом центре — вот, как он выглядел.

Да, его месторасположение было не самым удобным для жизни и приносило некоторые неудобства людям, живущим по соседству с доками, но в остальном — любой житель или турист был счастлив здесь. Здесь пахло солью, рыбой, металлом и фабричным дымом. Здесь находился один из самых больших мировых рынков, а жители были добрыми хозяевами и соседями. Ньярлатар был одним из великих Семи Городов — третьим из них.

В дни, подобные этому — дни, когда Ньярла сбегала из дома ради моря — ей становилось особенно жаль, что все Великие Города строились по одному совершенно неудобному принципу. Каждый из них состоял из семи полукруглых ярусов, где седьмой был самым большим и, соответственно, нижним. И, хотя, сквозь весь город шла одна улица, Ньярле приходилось тратить больше полутора часов на ее преодоление. Это утомляло, но где еще она могла найти море в городе?

Так что она надела самое плотное и теплое из платьев и затушила масляную лампу, едва не разбив один из подаренных ей фенакистископов. Ее не особо волновала сохранность подобных вещей: каждый день гости Ньярлатара привозили ей драгоценности. Гораздо больше она любила ракушки и кораллы — редкие вещи даже здесь.

Она выглянула в окно — пришла пора выдвигаться. Ночь только началась, в первом ярусе Ньярлатара не спали лишь несколько человек, и ни одна живая душа не видела, как из одного из окон в поместье Мастера Ньярлатара выпрыгнула маленькая девочка. Освещаемая лишь слабым звездным светом она бежала между зданий своего любимого города. Дома сменялись

домами: в начале пути каждый из них выглядел как произведение искусства, но чем дальше Ньярла бежала, тем хуже становились постройки. И к тому моменту, когда она, наконец, достигла доков, вокруг не осталось ничего, кроме деревянных бараков и неказистых каменных домиков.

Таковы были доки. Полные моряков, маргиналов, нищих, портовых шлюх и пьяниц. Папа говорил, все эти люди были неблагонадёжными. Мама возражала, им просто нужен был шанс. Ньярла просто не понимала, почему моряков приравняли к остальным. Они работали, не щадя себя, с утра до ночи. И даже сейчас, когда на море невозможно было что-либо разглядеть, доки все еще были полны народом. То здесь, то там Ньярла слышала разговоры: о ценах на снасти, о скором нересте у скумбриевых, о падении Арлатара, о погоде и лучших борделях. Обо всем, что могло интересовать людей. Но не ее.

Ньярла замедлилась. Здесь было слишком много человек для такой маленькой девочки. И пусть люди, не глядя, расступались перед ней, кто-нибудь мог толкнуть и опрокинуть ее на землю. А пачкаться Ньярла не хотела, и вообще не очень хорошо относилась к земле и пыли. Она шла и думала, разглядывая людей и их цветастые одежды. Прежде всего, ей нужно было найти Альму и узнать, где находится команда «Буревестника». Они не могли много общаться, поэтому Ньярла с нетерпением ждала каждого появления пиратских кораблей на причале. Мало кто из пиратов имел смелость швартоваться в Ньярлатаре, но эта команда, как говорила Альма, была поголовно отбитая. Она часто отзывалась о них так, изредка заменяя «отбитая» на «отпитая». Ньярла смеялась каждый раз.

Альма была проституткой и лучшим информатором в городе. Она каким-то образом знала все, что происходит в Ньярлатаре и за его пределами, и готова была этими знаниями делиться. Не бесплатно: на свой недельный заработок она могла купить корабль. Мало кто позволял себе систематически покупать у нее информацию, но к Ньярле это не относилось. Куртизанка просто рассказывала ребёнку все, что той пожелается. Поэтому, когда Ньярла хотела что-либо узнать — или просто с кем-либо поговорить — она бежала в «Птичник».

Входя в бордель, она прикрыла нос: здесь всегда пахло дешевым алкоголем, потом, мочой, кровью и благовониями. Все это смешивалось, и, вкуче с темнотой и табачным дымом, могло довести до рвоты. Но Ньярле просто было противно. Проходя мимо комнаты охраны, она поздоровалась с сидящим там человеком. Они не знала его, однако воспитание не позволяло ей игнорировать приветствия.

Альма, как обычно, сидела в кабинете. Здесь стоял огромный каменный стол, оставшийся от предыдущего хозяина, но Ньярла ни разу не застала женщину за ним. Та предпочитала пару неприлично дорогих диванов около единственного окна. Рядом так же неизменно стояла пара телохранителей.

— Ах, кто же это! Неужели, моя милая рыбонька вновь нуждается во мне? — Произнесла женщина, даже не обернувшись, и отправила одного из телохранителей за током — местным чаем из водорослей. Мало кто пил его: в основном потому, что на вкус это была мерзкая соленая жижа; но Ньярла любила его больше любого другого напитка.

— Да. Где Буревестник? — спросила Ньярла и запрыгнула на диван.

— Тебя не было неделю, и это все, что я слышу вместо приветствия?! — женщина вдруг обернулась и намеренно плохо изобразила вселенскую печаль. Она знала, что дочери городского Мастера нравились неумелые шуточные представления, и всю этим пользовалась. — О, как жестоки дети в наше время!

— Альма, ты же знаешь — я не смогу незаметно убежать от папы! Он всегда чувствует это.

— Но ты могла бы хотя бы поздороваться прежде, чем спрашивать об этих идиотах. Рыбонька моя, я обиделась.

В то же время, в ратуше Ньярлатара находился мужчина. Его взгляд часто пугал людей, а вкупе с болезненным видом и недельной щетиной, он мог ужаснуть даже самого бравого солдата.

Кабинет, в котором он обосновался, был освещен несколькими десятками свечей, так что рассмотреть интерьер можно было достаточно легко.

Прежде всего, выделялся крепкий дубовый стол: достаточно большой для того, чтобы на нем поместилось несколько крупных человек; темный и шероховатый, давно уже пропахший кровью. Когда-то давным-давно на этом столе приносили в жертву людей: десятки и сотни жизней оборвались на нем, и если знать, что искать, можно заметить сеть борозд, оставшихся от ритуальных ножей. За ним находились несколько книжных шкафов, забитых научной литературой. Здесь также стояли несколько кресел и стол поменьше: на нем башнями возвышались стопки иных книг — древнейших рукописей и медицинских трактатов.

Человек стоял, опершись о стол, и мрачно смотрел в ростовое зеркало напротив. Но в старом зеркале, овитом латунным плющом, не было его отражения: с той стороны стекла сидел другой человек в другом кабинете. Он казался намного здоровее первого, несмотря на возраст. Оба были раздражены: разговор их выдался тяжелым.

— Так ты проходил повторное обследование? — спросил старший. Первый отвел взгляд: то, что показывали результаты...

— Оно стоило того, Эрнест.

— Стоило?! Что стоило твоего здоровья?! Что могло стоить благополучия Ньярлатара?! — в порыве чувств, старший швырнул в зеркало чернильницу. Стекланный флакон разлетелся на мельчайшие кусочки, окропляя зеркальную поверхность. Но человека, названного Эрнестом, это не волновало: — Сделка с Хозяином морей? Или, по-твоему, то создание стоило того?

— Не смей так говорить о ней! Она моя девочка, лучшая из всех. И я не потерплю презрения по отношению к ней. Да! Она стоила моей жизни! Ты же знаешь, так перестань говорить подобное.

— Генрих, послушай... Мы все волнуемся о тебе, и сейчас, когда пал Арлатар, нам нельзя игнорировать всю эту ситуацию — человечеству ни к чему такие жертвы.

— Да пошли вы с вашими волнениями, сам справлюсь. — Он замолчал и прикрыл глаза. Эрнест не знал, что еще мог сказать, но знал манеры Генриха: во время подобных пауз он обдумывал что-нибудь очень важное.

— Именем Мастеров человеческого величия! Я, Генрих Готе, семьдесят восьмой Мастер Ньярлатара, клянусь, что мое взаимодействие с Нь...- он исправился: — с Хозяином всех морей, не станет причиной каких-либо проблем для Ньярлатара и человечества.

Словно в подтверждение его клятвы все сорок семь свечей, находившихся в кабинете, разом потухли и загорелись вновь. И прежде, чем Эрнест сумел ответить, Генрих завесил зеркало бархатным покрывалом. Он был зол и раздражен, не только из-за разговора: из-за работы он не спал уже неделю, и столько же ему предстояло.

Перед сезонами нереста и рыбной ловли всегда становилось гораздо больше работы. Конечно, все эти накладные, удостоверения, отчеты по ревизии складских помещений и ремонтных доков, не были предназначены для одного человека, но Генрих не хотел заставлять своих секретарей работать ночами, а наследника для его мастерства все еще не было. Он не желал передавать свой титул по наследству — Ньярла совершенно не подходила на роль Мастера. И поэтому он ждал: со дня на день должен был прибыть наследник мастерства из Арлатара — один из немногих выживших после падения летающего города.

Генрих отпил вина из, наверное, десятой бутылки за этот день — он не мог найти времени для сна, а вкус спирта бодрил. Он не боялся захмелеть: с некоторых пор его организм перестал реагировать на алкоголь так же, как когда-то перестал воспринимать яды. Если бы только это работало и с усталостью.

Ньярла злилась. Не очень сильно — она прекрасно знала о любви Альмы к бесконечным разговорам — но все же. Это случалось каждый раз, как Ньярла появлялась в «Птичнике»: Альма умело заводила разговоры о чем-то совершенно непонятном и неважном. Она никогда не раскрывала то, что нужно было Ньярле, раньше чем через час, и еще столько же тратила на метафоры и намеки. Но вновь Ньярла приходила за информацией и дружеской лаской — и вновь уходила с болящей от усталости головой.

На улице стояла вечерняя прохлада, что, в общем-то, не удивительно для ранней мартовской ночи. Дул легкий ветер, и морозные китовые свечи озаряли центральную улицу города. Говорили, что свечи эти были волшебными, и что их когда-то давно, до начала времен, вырезал

лично Хозяин морей. В это мало кто верил — в конце концов, никто не видел ни одно божество со времен основания Семи Городов. Но Ньярла верила.

Свечи определенно кто-то зачаровал: шаг влево, шаг вправо — полная темнота. И в ней было гораздо интереснее, чем на привычных дорогах; там ждали приключения. Она бы с удовольствием побегала по переулкам седьмого яруса, но, к сожалению, не в полночь. Да и по всему нижнему ярусу сетью шли небольшие речушки, достаточно глубокие для утопления маленького ребенка.

Она развернулась на одних каблучках и побежала вверх по улице. Пускай бегать по седьмому ярусу небезопасно, но на тех, что выше никто не мешает ей играть. Особенно в первом. Свой родной район Ньярла знала настолько хорошо, что могла без запинки пересказать, сколько кирпичей в каком доме; где какой тупик находится; как и где можно свернуть так, чтобы быстрее добраться до ратуши и в какие дыры можно лезть, а в какие — нельзя. К тому же, ей не понадобится и десяти минут, чтобы добраться до дома из любой части первого яруса.

Она неслась так быстро, как только могла, почти сливаясь с ветром. Тени — старые друзья, псами скользили рядом. Китовые свечи гасли и возгорались вновь, откуда-то доносился легкий колокольный перезвон. Но никто не замечал. Да и некому было: чем выше Ньярла поднималась, тем меньше людей оставалось на улице. Кто вообще мог не спать в два часа ночи?

Ньярла бежала, отдавшись на волю ветрам и забыв обо всем. И колокольный звон, и тени-псы, и китовые свечи — все сливалось и горело цветными пятнами, успокаивая ее. На душе было легко, приятно и весело. Белая луна горела высоко в небе, в компании миллиардов звезд, и где-то там, за городскими стенами, озаряла морское полотно. Море было беспокойно: даже на высоте в семь ярусов Ньярла слышала, как его штормило. Это немножечко пугало, но в целом, оставалось привычным. В этом шуме слышалась жизнь — Ньярла ощущала, как глубоко-глубоко в воде собирались рыбные косяки.

— Когда сизая мгла — услышала вдруг она, пробегая по улицам первого яруса, — опускается ночью, словно кошка младая — охотясь на мышь... мышь... Черт! Что дальше?

Кто-то пел. Плохо и фальшиво. Ньярла удивилась: в первом ярусе никогда не было людей, готовых выйти ночью в темный переулок и петь там оду к Хозяину морей. Мог ли это быть турист, решивший пораньше выйти на экскурсию по городу, Ньярла не знала. Ей стоило бы уйти и не мешать человеку наслаждаться городом в одиночестве (наверняка он, как и она сама просто не хотел на кого-то отвлекаться), но Ньярла любила эту оду больше любой другой песни, и потому не могла не помочь:

— Томный ветер в полях играет рожью, а в болотах шумят рогоз и камыш...

Человек, стоящий в переулке обернулся. Это был старик. Осунувшийся и ненормально худой, с белесыми, словно слепыми, глазами. Его седина ярко выделялась на фоне темной кожи, одного цвета с небом. Но все же, там, где лохмотья не скрывали тело, выделялись серебряные и

сиреневые пятна. Ньярла задумалась: она прекрасно понимала, что произошло со стариком, но не знала, стоит ли его теперь опасаться.

Но прежде чем она пришла к какому-либо выводу, он посмотрел прямо на нее и хрипло попросил продолжить. И разве же могла она не петь? Конечно, родители говорили ей не разговаривать с незнакомцами на улице. «И, — думалось ей, — они совершенно не будут довольны тем, что я разговариваю с ним ночью в подворотне». Это было абсолютно не важно: никто и никогда не стал бы совершать преступление в этой части города, даже такие, как он. Ньярла запела:

Когда сизая мгла опускается ночью,

Словно кошка молодая, охотясь намышь.

Томный ветер в полях играет рожью,

А в болотах шумят рогоз и камыш.

Когда рядом с луной загораются звезды,

Озаряя морей голубых полотно.

А под ними на дне океана морозном

Бог отринул давно и свет, и тепло.

Он восходит из моря сиреневой тенью,

Проходя по хребтам из пенных седин.

Расступаются волны по его повеленью,

И выходят из них жемчуга и кармин.

Плащ — из пены, мнисты — из алых кораллов

И серебряный месяц, вместо венца.

Он идет впереди, за ним — сотни хоралов

Прославляют его и чаруют сердца.

Старик сел на каменную кладку. Он внимательно слушал, как пела Ньярла, и, когда она закончила, прикрыл глаза. В соседнем квартале забурлил фонтан. Это было опасно. Все знали о людях, подобных этому старику. Их называли отступниками за то, что они отвергали человеческий путь жизни. Как именно это происходило, никто не знал, но Ньярла слышала однажды от папы, что отступники заключали контракты служения богам и оттого меняли свою сущность. Многие из них были агрессивны, а потому объявлены вне закона.

Вокруг старика летала вода, чуть подергиваясь от каждого его вздоха. Ньярла задумалась и решила, что пора было бежать от опасного, возможно сумасшедшего человека.

— Зачем бы вы ни появились в городе, желаю вам удачи. Доброй ночи, — напоследок произнесла она и поскакала в сторону поместья. Ей еще нужно было успеть поспать.

<http://tl.rulate.ru/book/21227/438868>